

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

В СУМЕРКАХ

П о в е с т ь

1.

Сумерки в этом маленьком, даже крошечном кафе наступали сразу, без прелюдии. Это был полуподвал, маленькие окна на высоте чуть больше человеческого роста. Как только солнце уходило за многоэтажки на улице, в кафе включали люстры. Наступало то время суток, когда назначают свидания. Кафе так и называлось — «Сумерки». И ранний полумрак, и малое количество столиков — всего девять: три — на двоих, шесть — на четверых, но за ними все равно сидели всегда по двое, — и крайнее расположение привлекали сюда тех, кто очень не хотел, чтобы их видели в это время в других местах. И потому приходили завсегда-таи, случайные посетители забредали редко, разве что на рюмку вина или кружку пива.

...Сумерки были осенними, короткими. Старые матовые люстры, от которых становилось светло, но не досадно ярко, зажглись раньше, чем летом. Хозяин Ростислав этими люстрами очень дорожил, говорил, что теперь таких нигде не встретишь. Во всех кафе норовят ослепить посетителя с порога. Или убирают люстры вовсе и вешают по стенам светильники, которые отменно смотрятся, вот только света не дают. «Не хочу следовать моде. Не хочу соответствовать». Скорее всего, ему просто жаль было тратиться на современный свет. Но и такой, старый, даже старомодный, завсегдатаев устраивал.

Как раз наступили сумерки, когда распахнулись створки остекленных деревянных дверей. Вошел человек лет сорока пяти, в плаще и шляпе, кивнул хозяину (он же администратор и бармен) как старому знакомому. Они и были давно знакомы — уже почти два года. Гость повесил плащ на вешалку, туда же отправил шляпу, сел за столик, с которого официант, улыбнувшись ему, убрал табличку «Зарезервировано».

— Как всегда? — привычно спросил официант.

— Как всегда, — привычно ответил гость.

Он взглянул на часы — было почти семь вечера, без нескольких минут, — и коротко улыбнулся своим мыслям.

Как уже сказано, на вид ему можно было дать около сорока пяти лет. Стройная фигура, чисто выбритое узкое лицо, мягкий взгляд серых глаз... что еще важно для портрета? Достаточно и сказанного. Из одежды — синие джинсы, серая водолазка, черные туфли с мягко закругленными носками.

Не прошло и пяти минут, как официант принес бокал с мохито. Мужчина кивнул. В это время двери снова распахнулись. Гость встал навстречу, улыбаясь.

«Она не опаздывает. Никогда».

— Добрый вечер!

Он помог женщине освободиться от плаща, повесил его на плечики. Осторожно поцеловал ей руку. Она сняла берет, аккуратно пристроила его на рог: вешалка представляла собой оленьи рога, не стилизованные — настоящие, привезенные самим хозяином когда-то давно с Севера. Извинилась, исчезла в дамской комнате наводить красоту.

Раз уж мы набросали портрет мужчины, так и его даму следует хотя бы немного описать. Моложе спутника лет на пять, одета в дорогой, но неброский брючный костюм светло-серого цвета, темные туфли на низком каблуке. Карие глаза смотрят умно и пронизательно. Лицо, такое же узкое, как у мужчины, чуть бледновато, что выдает человека, который большую часть времени проводит в помещении и которому редко удается вырваться на солнце. Волосы — темные, густые — тщательно уложены.

Мужчина сделал знак официанту, тот понимающе кивнул. К возвращению женщины на столе стоял бокал с мартини.

Улыбнувшись друг другу, гости молча чокнулись, выпили по глотку.

— Как ты прожила этот месяц? — спросил он.

Постороннему в вопросе и в том, как он был задан, послышалась бы некоторая театральность. Для этих двоих никакой театральности не было.

— Прожила, как всегда, в ожидании, — улыбнулась она.

Официант принес меню в одном экземпляре. Мужчина внимательно изучил перечень блюд, сказал своей спутнице:

— Рекомендую сегодня...

Пока несут заказ, пора дать героям какие-то имена. Имена эти должны быть не вполне обычными, не из тех, что встречаются на каждом углу. Такие, например: Богдан и Виолетта. С другой стороны, история простая, и почему они должны быть редкими, вычурными? Да еще и следующими друг за другом по алфавиту? Ну, во-первых, имена Виолетта и Богдан не такие уж редкие по нашим временам, встречаются пусть не на каждом углу, но и не только на кладбищенских памятниках и в архивах. Во-вторых — и это главное! — история эта не только простая, но и правдивая. Героев так и звали: Виолетта и Богдан. И ничего мы с этим поделать не можем.

Итак, Богдан и Виолетта не спеша выпили по аперитиву.

— Хорошо! — Она повертела в руках бокал. — О том, как жила и что видела... Знаешь, я все время присматриваюсь к людям, которые приходят к нам за покупками. Они все разные, но как-то... синхронно меняются. Они перестали улыбаться. Все, независимо от уровня доходов, от того, постоянный это наш покупатель или он случайно сюда забрел и охнул, глядя на цены. Все, все перестали улыбаться! А если и улыбаются — настороженно, будто боясь кого-то обидеть. Отчего это, Богдан?

Он помолчал, поставил свой бокал. Внимательно посмотрел на Виолетту. Улыбнулся:

— Какая же ты все-таки красивая!

Она в ответ склонила голову. Реплика была привычной, потому и звучала не комплиментом, а признанием очевидного.

Богдан стал серьезен.

— Люди боятся жить, Виолетта. Я рад теперь, что у меня в свое время не сложилось с бизнесом, что не тот я человек: эмоциональный, не системный, нерациональный... Не совсем трезвый, в конце концов. Я смотрю на шефа моей жены — и поражаюсь. Я его очень уважаю, но он... он ведет себя как мальчишка-романтик. Все знают, что его обязательно посадят. Он и сам это знает, но продолжает, как заклинание, повторять: «Я не купил остров в океане, потому что хочу жить здесь. Я хочу, чтобы здесь, на моей родине, мне было хорошо и комфортно!» И понимает при этом, что не будет здесь комфортно никогда ни ему, ни его детям, ни детям тех, кого его дети опекают. И он... Впрочем, что это я? Занесло опять.

— Да нет, — вздохнула Виолетта. — Ты просто отвечал на мой вопрос.

Она снова улыбнулась.

— Лучше о другом, о приятном. О личном. Как жена, семья?

Он поставил бокал, улыбнулся ответно — не дежурно, искренне.

— Да хорошо все, в общем. Жена, конечно, переживает из-за всего, что происходит с шефом, что грозит компании. Но на семье это не сказывается, она молодец. Дочь оканчивает в следующем году школу, сын только пошел в первый класс, — ты же помнишь, возрастной разрыв у них такой, порядочный. Я — все так же, все там же. Пишу сайты, по заказам верстаю книги... — Он вдруг озорно усмехнулся. — Ну еще одно ремесло начал осваивать недавно. Угадай!

Виолетта махнула рукой, допивая коктейль.

— Не стану. Говори!

— Печь на даче сложил. Своими руками, представляешь? И работает! Горит, греет — и не дымит!

Богдан рассказывал об этом так, как мальчишка делился бы тем, что научился кататься на велосипеде или поймал первую в жизни рыбу. Виолетта невольно рассмеялась — громко, рассыпчато.

— Вот точно от тебя не ожидала! Никогда бы не подумала, что ты можешь быть еще и печником!

Он развел руками:

— Ну вот... А у тебя? Что ты?

Виолетта пожала плечами.

— За исключением этих скучных... нет, неправильно. За исключением личностей, от которых в магазине все время ждешь неприятности, все, в общем, хорошо. У мужа бизнес крепко прислонен к власти, и вроде никаких гроз не ожидается. Сын наш единственный давно, как говорили древние, отлепился — и слава богу. Живет сам по себе, чему-то учится, где-то работает. Иногда имеет наглость делать подарки родителям — не то чтобы дорогие, но какие-то... с намеками. Например, подарил на Новый год картину одного местного художника — фамилию не вспомню. Там двое сидят спиной к зрителю, перед ними в тумане силуэт не то собора Нотр-Дам, не то Триумфальной арки в Париже, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Были мы там, правда. И улетали из Парижа так, что я плакала. И больше не будем никогда, конечно. И вот он, паршивец, угадал — и настроение, и перспективы.

Оба помолчали. Она тряхнула головой:

— Ну а в остальном все ведь у нас хорошо, правда?

Он встал, через стол тихонько пожал ей запястье.

— Правда, Виолетта. Правда.

Горячее поедали молча. Оно в этом крошечном кафе было довольно традиционным, но невероятно вкусным, готовили его с любовью, и любовь эта передавалась во вкусе, в подаче, ее нельзя было не чувствовать. И говорить при этом казалось кощунством. Все было прекрасно, и старинные люстры горели так, как требовалось: сдержанно и благосклонно.

Они съели десерт, запивая его ароматным крепким кофе и сдабривая ликером. Посидели еще, поговорили. Прошло почти ровно два часа с того момента, как Богдан раскрыл двери заведения.

— Пора? — без всякого оттенка грусти спросил он.

— Да, пора, — так же ответила Виолетта.

Богдан подозвал официанта, рассчитался, умеренно щедро оставив на чай. Вызвал такси, потом помог даме одеться. Оделся сам.

— Ты, как всегда, пешком? — спросила она.

— Да, пройдуся. — Он так же осторожно, бережно поцеловал ей руку. — Что ж, до следующего?

Она кивнула, послала ему воздушный поцелуй — и ушла к ожидавшему ее такси. Богдан махнул официанту, отвесил шуточный поклон хозяину — и тоже вышел.

«Как, они разошлись порознь? Не целовались? Не мучили друг друга расспросами, тревогами, сомнениями? Они не любят друг друга?» Вопросы естественные. Такие же простые, как история. Хотя... Кажется, вопросы проще.

Они любят друг друга.

Но они никогда не были вместе в том смысле, в каком вместе бывают любящие друг друга мужчина и женщина. Они не спали в одной постели. Они даже не были никогда в одной квартире.

Начиналось все вот как.

2.

Ох и холодно было тогда, в том ноябре! Казалось, уже совсем пришла зима — настоящая, сибирская, лютая. Уже и снег лежал прочно, и столбик термометра обессиленно падал до минус пятнадцати, а то и двадцати — потом, правда, одумывался и карабкался вверх, но, ослабев, застревал на минус пяти и до нуля уже не добирался. А главное — ветер. Он резал по живому, брил без мыла, пронизывал то, что обычно считалось броней. В такую погоду только необходимость выгоняла на улицу — работа, другие дела. Или тоска. Бывает такая тоска, которая гонит человека из дома, даже если дома все хорошо. А то и как раз тогда, когда все хорошо. Необъяснимая, просто так пришедшая тоска. Близким — жене или мужу — о ней не скажешь: станут допытываться, что да как, откуда и почему. Тихо улизнуть — погулять, пройтись... да мало ли.

В один из таких ноябрьских вечеров в кафе «Сумерки» вошел мужчина — тот самый, лет сорока пяти... нет, в то время — сорока трех, и одет был, конечно, не в плащ, а в пальто, и вместо шляпы — меховая кепка.

С порога было ясно: он здесь впервые. Бармен увидел его из-за стойки, махнул рукой — мол, садитесь, сейчас подойдут — и занялся своим делом. Мужчина не торопясь огляделся, повесил одежду, сел за первый попавшийся столик, стал ждать. Официант не спешил: посетитель новый, даже не гость еще, можно и помурожить. Дать понять, что не в столовку пришел. В конце концов подошел, положил на столик меню:

— Добрый вечер! Вы ведь у нас впервые? Посмотрите меню. Дайте знак, пожалуйста, с выбором блюд могу помочь, — и собрался уйти.

Мужчина остановил его жестом. Медленно, почти лениво произнес: — Меню я, конечно, изучу. На предмет орфографических ошибок.

Официант растерялся:

— Не понял...

— И не надо. Шучу. В блюдах, надеюсь, разберусь без подсказки. А вот аперитив, будьте добры, сейчас. И если в меню его нет — пригласите шефа.

Официант напрягся.

— Чего же вы хотите такого... экзотического? Виски, коньяк? У нас прекрасный выбор того и другого.

— Никакой экзотики. И ничего крепкого. Мохито.

Официант расплылся в улыбке:

— Конечно, есть!

Мужчина снова жестом остановил его:

— Только настоящий. Без всяких там спрайтов. Вода — только содовая. Подделку я определю, — и углубился в меню.

Официант помялся.

— Простите, содовой может не оказаться. А если просто минералка?

Гость вздохнул.

— Ну что с вами делать... Несите.

Официант ушел, растерянный. Мохито принес минут через пять. Высокий бокал, трубочка, мята, кружок лайма — все как должно быть.

Мужчина поблагодарил кивком. Показал на меню:

— Скажите, а у вас и правда подают тюрбо? Это не просто черноморский калкан, а на самом деле тюрбо? И вот этот салат с крабами — в нем и правда крабовое мясо, а не дальневосточный минтай под названием «крабовые палочки»?

Официант покраснел от негодования. С полминуты помолчал, потом сказал с ненавистью:

— У нас одна из лучших кухонь в городе! Позвать шефа?

Мужчина вдруг рассмеялся:

— Да нет, верю вам! Это я так... просто вывеска и антураж немного не соответствуют меню.

— Ну, это не ко мне, — развел руками все еще раздраженный и заметно расстроенный официант. — Так шефа звать не нужно?

— Не нужно. — Мужчина улыбнулся примирительно.

Официант, уходя, обернулся:

— Кстати, мохито с содовой. Она оказалась в наличии.

«Ну вот зачем я с ним так? — думал Богдан, потягивая коктейль через трубочку. — С другой стороны, а он со мной так — зачем? Зачем он начал как хам? Я и разозлился...» И простил официанту все, даже его «одну из лучших кухонь».

В это время вошла она. Богдан закашлялся.

Как и в его случае, с порога было ясно: женщина пришла сюда впервые. Одета в сиреневого цвета пальто, на ногах высокие ботинки, на голове берет, тонкие перчатки на руках... Она замерзла и зашла погреться. Кроме них, в кафе в этот вечер не было никого, и он просто не мог не встать навстречу.

— Добрый вечер! Помочь?

Она не возражала. Он помог ей снять пальто, повесил его и берет на вешалку из оленьих рогов, пригласил:

— Я один. Если не возражаете, составьте мне компанию!

Она согласилась.

Подошел официант, подал гостю меню. Спросил, нужно ли что-то на аперитив.

Женщина улыбнулась:

— Пожалуй, мартини. Если, конечно, здесь есть хороший.

Некоторое время посидели молча. Она изучала меню, Богдан изучал ее.

Мартини принесли. Коктейль украшали оливки. Она одобрительно кивнула. Заказала утиную грудку в апельсиновом соусе и легкий овощной салат.

— Что ж, можно наконец и познакомиться. — Богдан приподнял бокал с мохито. — Богдан.

— Виолетта, — подняла и она свой бокал. — За знакомство!

...Господи, как долго он ждал этого, как давно мечтал об этом! Чтобы вот так легко, непринужденно познакомиться с женщиной, которая тебе интересна — и ничего от нее не ждать, ни о чем не просить и не спрашивать ни о чем. Просто сидеть напротив — и любоваться. «Любоваться» и «любить» — слова хоть и однокоренные, но разные по смыслу.

Впрочем, не так. Ничего такого он не ждал и ни о чем не мечтал. Все вышло само собой. В этом и прелесть случившегося.

Ну а что же, собственно, случилось?

Он влюбился. Сразу, с первого взгляда, с первого вздоха. И она — так же. О чем они говорили на первом своем случайном свидании, не помнят теперь ни она, ни он. Но ведь говорили о чем-то. Чем-то делились. И как-то сразу поняли: влюбленность их, их любовь обречена на бесконечные расставания и редкие встречи. И встречи вот такие — в кафе, на улице... не в кино, конечно, не в подъезде. Не тот возраст: не романтический.

У них обоих были семьи: и к началу нашего рассказа были, и к финалу — остаются. Такая вот история.

Когда расходились, он спросил:

— Тебя проводить?

На «ты» они перешли легко, почти сразу.

Она улыбнулась:

— Я возьму такси. А тебя подвезти?

— Пойду пешком. Переварю.

Они поцеловались — точнее, он чмокнул ее в щечку. И неожиданно покраснел. «Не так бы тебя целовать...» Она засмеялась — ответила, как будто его мыслям:

— Что делать...

Села в такси, махнула перчаткой.

Он шел навстречу семье, навстречу привычному быту. Душа пела — мелодия была неясная, незнакомая, но радостная. Он стал подпевать.

В январе ночь длится до утра, а утро наступает поздно. Богдан проснулся рано, зимой с ним такое случалось редко. Проснулся — и улыбнулся. Сегодня — тот самый день. Темень за окном не мешала радоваться жизни. Жена еще спала, должна была вот-вот проснуться, и он старался не мешать ее предутреннему сну. Радовался молча и неподвижно.

Обычно Галина поднималась раньше него, по будильнику. Не торопясь делала макияж, будила мужа и уезжала в офис. Богдан работал в основном дома. Его дизайнерским занятиям служили кабинет, два мощных компьютера, разная периферия к ним. Заказы он принимал и обсуждал с клиентами, пользуясь современными средствами коммуникации: телефоном, скайпом и прочим. Выезжал изредка, чаще всего это случалось, когда заказы были сложными, многоступенчатыми, а заказчик оказывался капризным. Вообще больше всего ценил одиночество, любил принадлежать самому себе.

В его обязанности, впрочем, входила и отправка детей в школу. Дочь Юлия давно не нуждалась в опеке, активно и тщательно складывала фундамент независимого будущего. После школы твердо решила поступать в юридический институт. Мечтала не обвинять — защищать. Она поднималась раньше матери, тихонько проделывала все, в чем люди нуждаются по утрам, снова уходила в свою комнату и включала компьютер. Готовилась к выпускным. Такая устремленность к цели — Галина не без гордости называла это словом «цельность» — была унаследована, конечно, от матери. Богдан скорее отличался импульсивностью, запросто мог менять решения, легко переключаться с одного занятия на другое. Его жена — а ей важно было присвоить имя каждому явлению — определяла эти свойства мужа как «пластичность». И не осуждала. Пластичность, восторженная готовность к новизне позволяли ему проникать в новые сферы, порой неожиданные. Вот недавно и печки класть научился, и даже заказчиков приобрел.

Если дочь вращалась уже по собственной орбите и вот-вот грозились выйти за пределы семейной системы, то сын пока требовал внимания и покровительства. Хотя бы по утрам. Большая разница в возрасте не то чтобы отдалила детей друг от друга — нет, Юля с удовольствием возилась с Жорой (так она его называла, а родители звали Гошей) и когда он был совсем мелким, и теперь, когда пошел в школу. Отвечала на его нелепые вопросы, рассказывала о своей давнишней, как ей казалось, младшешкольной жизни, помогала адаптироваться. Но по мере ее взросления возрастная дистанция сказывалась все чувствительнее, да и свободного времени оказывалось все меньше, и утренние заботы о мальчике сыпались на папашу, который, как считалось, был в семье наименее загружен. Богдан, впрочем, и не возражал. Георгий, хоть и отличался некоторой рассеянностью («В папу весь!» — констатировала

женская половина), особых хлопот не доставлял. Накормить его завтраком и вовремя передать с рук на руки Юле — учились они в одной школе и в одну смену — вот и вся забота. И школа рядом — значит, встречать Гошу после уроков не нужно, топает домой самостоятельно. Юлины занятия заканчивались позже.

Будильник на телефоне сказал: «Вот и утро! Хватит спать, лежебоки! Шесть часов!» Такую побудку Богдан придумал сам. Весело. Лучше, чем штатное «Ку-ка-ре-ку!» или «Время просыпаться, шесть-ноль!». Сам и голос свой записал.

Галина потянулась, с удивлением уставилась на мужа:

— Ты чего?

Богдан смотрел, улыбался.

— Так... Проснулся что-то рано. Наступающему утру радуюсь.

Улыбнулась и жена:

— Радуетесь — это хорошо.

День начался — и пошел своим ходом.

4.

Виолетта проснулась оттого, что в кабинете муж, Петр Павлович, громко говорил по телефону. Громко — значит, был чем-то раздражен. Кабинет от спальни отделяла детская, давно пустующая. Квартира была нестандартной планировки, Петр Павлович сам лично нарисовал, как и что нужно перепланировать, лично же проследил, чтобы все сделали в соответствии. Строительная компания принадлежала ему, и проследить было нетрудно. Взмыленный прораб лично отчитывался перед генеральным, а тот ежедневно звонил Петру Павловичу — рассказывал, как идут работы. В картинках рассказывал: снимал на телефон и отправлял в ватсап или вайбер. Петр Павлович смотрел внимательно и делал замечания. Или просто довольно хрюкал. Получилось все так, как он хотел. Даже смежные комнаты идеально «отбивали» звук.

Сегодня звук, то есть громкий голос мужа, был слышан отчетливо. Значит, в раздражении просто не закрыл двери кабинета.

Виолетта потянулась — и вспомнила: сегодня — тот самый день. Жизнь сразу показалась еще как удавшейся. Она улыбнулась, не стала слушать доносившийся из кабинета разговор, ушла в ванную.

Послушать, однако, было что. Если бы услышала — расстроилась бы. А сделать все равно ничего не смогла бы. И хорошо, что не слышала. Разговор же был такой.

— Ну так, — рокотал Петр Павлович, — чего ты от меня хочешь-то? У Пляцковского лучшие материалы, он давний наш партнер, ни разу не было проблем с качеством, сроками, ценами... Даже если мы плату

задерживали, он шел на уступки. Ты чего хочешь — чтобы я теперь взял и отказался от работы с ним? А с кем работать-то? С этими уродами, — он назвал несколько фирм, — с которыми у застройщиков одни проблемы? С кем, тебя спрашиваю?!

Трубка что-то отвечала — но он, похоже, почти не слушал, уже приняв решение.

— Так. — Тон Петра Павловича стал спокойным и твердым. — Слушай меня, Сергей Максимович. Ну вот даже если у Пляцковского, как ты говоришь, будут крупные неприятности, даже если отнимут у него бизнес, а самого ушлют рукавички шить, кому-то этот бизнес ведь достанется, так? Заводы-то останутся. Рабочие, специалисты. Надо же быть полным идиотом, чтобы разрушить все это! Ну голову сняли — к телу-то можно и другую пришить, так? Какой кретин станет уничтожать прибыльное производство?

Трубка, видимо, возразила. Петр Павлович взорвался снова:

— Слушай, я с тобой говорю уже минут пятнадцать — хватит! Надоело! Решение такое. Ни от каких договоров поставок с Пляцковским не отказываемся. Ну, если тебя так устроит, добавлю: пока. Устроит? Все, давай, работай. Я скоро буду.

Виолетта вышла из ванной, встретилась с мужем — он выходил из кабинета.

Петр Павлович успел стереть с лица озабоченность и остатки гнева. Улыбнулся:

— Как спала?

— Замечательно! Слышала звуки громкие — ругался с кем-то?

— Да нет, все хорошо. Так, текущее.

Он поцеловал жену.

— Отвезти или сама?

— Сама, конечно. Пока еще накрашусь, пока соберусь. Кстати — помнишь, что я сегодня задержусь вечером? Ритуал.

Петр Павлович помедлил, ответил — в голосе чувствовалось некоторое напряжение:

— Да-да, помню, конечно. Два года уже помню.

Виолетта подошла, погладила мужа по вискам.

— Прости. Расскажу когда-нибудь. Ничего для тебя оскорбительного. Это ведь главное?

Он мягко отстранился.

— Нет. Не это главное. Искренность — главное. Ты искренна избирательно.

Помедлил, улыбнулся.

— Впрочем, давай сейчас не станем ссориться, что-то выяснять. Особенно если выяснять нечего. Нечего ведь?

Виолетта легко кивнула:

— Нечего. Нечего, Петр Павлович.

— Ну и хорошо, Виолетта Михайловна.

Он еще раз поцеловал жену, стал собираться.

— Я сегодня в офисе. Там же обедаю. Дел по горло.

5.

— «Здравствуй и прощай!» — скажешь мне при встрече*, — пел какой-то старый вокально-инструментальный ансамбль в автомобильном приемнике.

Виолетта, остановившись на светофоре, переключила каналы. Что-то ей не понравилось — в словах ли, в мелодии, в исполнении. Хотя песню эту помнила с детства. Переключила — и вздрогнула.

Прощай, колокольчик, и многая лета!
Оставим восторги, погрузимся в Фета...**

Песня звучала под гитару, и оттого чудилось — автор обращался к ней лично. Доверительно так, щемяще.

Она вдруг заплакала. «С чего бы? — удивилась и почти засмеялась сквозь слезы. — Дура совсем...» И, как ей показалось, успокоилась.

День проходил дежурно. В середине января люди еще не спешили нести опустошенные за праздники бумажники и банковские карты в магазин, тем более в обувной бутик. Виолетта общалась с продавцами, помогала наводить порядок на стеллажах, сверять ценники, отвечала на звонки, заполняла какие-то бумаги. Законы, регулирующие бизнес, менялись с фантастической быстротой, требовали боксерской реакции. И бумаг потому было много.

А в голове крутились слова песни неизвестного автора: «Не с Богом, так с Фетом дотянем до лета. Прощай, колокольчик!» Непонятные слова, туманный смысл... Почему эта песня зацепила ее так, что даже слова помнятся?

Вечером встретились с Богданом. Как обычно, кафе было полупустым, Ростислав — хозяин и администратор одновременно — принимал их как традиционных, но неизменно желанных гостей, официант демонстрировал привычную предупредительность. Виолетта оттаяла.

— Как новогодние праздники? — Богдан смотрел на нее с удовольствием.

— Как всегда, в кругу семьи. Приехал сын, посидели, в полночь открыли шампанское, полюбовались с балкона на фейерверки.

Виолетта отпила мартини.

— Ну а у вас как?

* Из песни «Здравствуй и прощай» ВИА «Синяя птица». — Прим. ред.

** Стихи автора. — Прим. ред.

— Точно так же! Нерушимый круг семьи, шампанское в полночь, негромкая музыка, тосты и воспоминания. Ну и, конечно, подарки под елочкой! Дети сбегали на городскую елку, вернулись скоро. Неуютно там, говорят, шумно и матерятся уж очень. Примета времени.

Богдан повертел в руке пустой бокал.

— Скажи, Виолетта... Мы с тобой вот так уже два с лишним года встречаемся. Здесь, в кафе, ежемесячно. Ритуал.

Она невольно вздрогнула: именно этим словом сама утром обозначила свою вечернюю задержку мужу.

Богдан заметил, спросил встревоженно:

— Что-то не так?

— Нет-нет, все так. Говори, пожалуйста.

Он снова повертел бокал. Официант принял это как знак, подошел:

— Повторить? Горячее будет через несколько минут.

— Нет-нет, спасибо! Это я так, привычка.

Богдан поставил бокал на место.

— Я вот о чем. Тебе не странно, что мы, взрослые люди, со всей очевидностью любящие друг друга... — Он невольно смутился. — Надо же, какая казенщина вылезла: «Со всей очевидностью...» В общем, ясно главное: любящие. И вот встречаемся, наслаждаемся присутствием друг друга — и расходимся, чтобы снова так же встретиться через месяц. И снова так же разойтись.

Виолетта вдруг засмеялась.

— Ты бы предпочел, чтобы мы с разбегу бросались в объятия друг друга? Снимали квартиру посуточно?

Испугалась невольной резкости, положила свою руку на его.

— Прости, вырвалось.

Богдан посмотрел на нее внимательно.

— Если вырвалось — значит, думала об этом.

Она убрала ладонь.

— Что уж лукавить... Думала, конечно. Я ведь женщина. Знаешь, я сегодня по радио песню одну слышала — сразу как-то запомнилась, там есть слова:

Прощай, колокольчик! Спасибо за то, что
Не стало, не станет романчиком пошлым.
За то, что сегодня. За то, что не в прошлом...

Она, эта песня, о такой вот встрече — внезапной, случайной. О любви, наверно.

Виолетта помолчала.

— Мы сейчас с тобой — как юные любовники, которые еще боятся перейти черту. Но для юных эта черта желанна, да и неизбежна. Что там дальше — неважно: будут ли эти любовники всегда вместе, или жизнь их разведет, как чаще всего и случается. Но для них это — начало, первый

опыт. А мы уже обросли жизнью. Для нас перейти черту — перевернуть все с ног на голову. Мы повязаны, мы обручены — и обречены быть нужными тем, кто с нами рядом. Это важнее, чем наша с тобой физическая близость.

Она снова помолчала. Богдан слушал внимательно.

— Дело не в том, что жизнь, которую мы имеем, уютна, комфортна. Я вполне проживу одна, я не последний человек в своем бизнесе. Ты тоже вполне самодостаточен, даже вон печки научился класть — выходит, и фундамент новой жизни сможешь сложить. Но сделать наши отношения другими — значит предать не только наших близких. Это значит изменить нашему с тобой сегодня, нашему чувству, которое можно назвать светлым и непорочным. Пока мы не нарушили его непорочности. Пока у нас все — романтично и... тревожно. Трепетно.

Она опять погладила его руку.

— Понимаешь, для меня вот это — когда я к тебе прикасаюсь, когда ты мою руку целуешь и мы при этом трепет испытываем — что-то из давнего, неизвестного нам прошлого, из тех туманных веков, которые мы знаем по описаниям поэтов. Что-то из Петрарки, из... Фета. Поступим иначе — сломается все. Другими станем. И все станет другим.

Богдан вздохнул — не тяжело, скорее — с облегчением. Как будто сбросил груз сомнений.

— Спасибо тебе. — Он приподнялся, поцеловал ее руку. — Спасибо. Ты права. Да ведь и я... Если все мои душевные переживания перевести в слова — эти слова были бы очень похожи на твои. Ты сказала — и мне стало легче. Стало так же, как было все эти два года. А теперь давай ужинать: несут.

После ужина, потягивая кофе с ликером, Виолетта вдруг спросила:

— Ты читал Фета?

Он удивленно поднял брови.

— Афанасия Фета? Боюсь, только в рамках школьной программы. Не скажу, что это мой любимый поэт. А что вдруг?

— Понимаешь, меня сегодня весь день преследует тема прощания. Сначала дурацкая песенка из репертуара какого-то советского ВИА, названия которого и не вспомню. Потом вот это:

Прощай, колокольчик! Перрон покачнется —
и кончится все, и уже не начнется.

Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета.

И — многая лета.

Богдан пожал плечами:

— Неплохие вроде слова, надо поискать. Ну а почему тебя это так беспокоит? Я с тобой прощаться не собираюсь, я тебе опять скажу: «До встречи!»

Она улыбнулась.

— Да, конечно. А вот прицепилось почему-то. Наверное, потому, что слова хорошие. Надо и правда поискать.

6.

Геннадий скучал. От скуки запускал какой-нибудь примитивный тетрис, раскладывал пасьянс, читал детективы Стаута или Гарднера. Отечественные детективы не любил: в западных тоже есть социальная подоплека, но она чужая и не цепляет. Отечественная же не то чтобы цепляет всерьез — так нарочита, что вывернута швами наружу.

Январь — месяц для бизнеса провальный, если это не супермаркет. Тот, кто ориентирован на корпоративного заказчика, смело может отправлять своих сотрудников в месячный отпуск. Шеф фирмы, в которой Геннадий работал программистом, так и сделал — отправил на отдых почти весь персонал, продлил сотрудникам новогодние каникулы еще на пару недель свыше законной нормы. А Геннадия, по взаимному соглашению, как самого необремененного (семьи нет, родители в соседнем городе), оставил дежурным. Он должен был отвечать на звонки, принимать заказы. За неделю после окончания официальных каникул звонки случались редко, а заказов не было вовсе. Геннадий маялся бездельем.

На столе, по обе стороны от монитора, стояли фото в рамках. Слева — маленький Гена у мамы на руках. Мама улыбалась, держала сына в кадре, гордилась им. Справа — повзрослевшего Геннадия за руку держал папа, серьезный, внимательный, в летней соломенной шляпе. Они с папой ездили тогда в Египет, мама не могла: занималась переустройством магазина. Ох и наговорились же они тогда по-мужски! За жизнь говорили, за смысл ее... за любовь. Геннадий покраснел — так уж откровенно папа старался его тогда просветить, оградить от случайностей...

Вдруг позвонил шеф.

— Привет! Ну как там у нас на базе?

Шеф когда-то служил не то в авиации, не то на флоте.

— Тишина, — коротко ответил Геннадий. Спыхватился: — Да, здравствуйте!

— И хорошо. Не скучаешь?

— Кофе пью, в игрушки играю, пасьянс раскладываю.

— И хорошо, — повторил шеф. — Слушай, Гена, тут такой заказ поступил. Надо в одном кафе в областном центре нашу систему смонтировать и запустить. Ложки там у них, вилки пропадают иногда, такое время. Кафе не пафосное, и посетители... ну или, как они говорят, гости — разные случаются. Возьмешься?

Геннадий немного растерялся.

— Захарыч, я ж не монтажник — программист...

— Я это помню, — усмехнулся в трубку шеф. — Помню и то, что ты всю систему как свою квартиру знаешь. Ну не хочется мне ребят дергать из отпуска, который сам же им предложил. А этот Ростислав, хозяин кафе, — мы с ним давно знакомы — почему-то прямо мне позвонил. И попросил сделать сейчас, в январе.

— А что ему так приспичило? — удивился Геннадий.

— Как у нас, пока посетителей — ну или, на их языке, гостей — немало. Пока наплыва нет.

Геннадий вздохнул. Шеф подбодрил:

— Заплачу тебе и как программисту, и как монтажнику. Ну?

7.

Петра Павловича в компании звали за глаза Два Апостола. И за имя-отчество, и за некоторые качества натуры. За пронизательность. Точнее — за нюх. Он точно знал, с кем из потенциальных партнеров можно дружить — и они тогда станут партнерами настоящими, а с кем — ни в коем случае. Кого пускать в свой строительный рай, а для кого ворота на вечном замке.

В офисе его любили — и замы, и секретарши, и те из «младшего» персонала, кто был с ним знаком по должности. Сегодня он был немного встревожен утренним звонком зама по снабжению, но в офис явился, как всегда, с улыбкой на лице. Ободряюще кивнул секретарю Людмиле, попросил сварить кофе. Прошел в кабинет, сел — и задумался.

Утренний звонок не прошел без следа. Если над Пляцковским и правда сгустились тучи, если он стал настолько неуютен, что у него могут отнять бизнес, ничего хорошего не светит и ему, Петру Павловичу Селиванову. Пляцковский — давний, надежный производитель и поставщик самых качественных строительных материалов в регионе. Компания Селиванова строила хорошие дома с хорошими квартирами, со времени ее основания не поступило ни одной существенной жалобы на качество строительства — во многом благодаря партнерским отношениям с заводами Михаила Самуиловича.

Проблемы у того начались сразу после знаменитого совещания у президента, куда собрали ведущих представителей российского бизнеса. Пляцковский резко негативно высказался о новой экономической политике государства, касающейся даже не столько крупного, сколько мелкого бизнеса, о налоговой системе, гнобящей вообще всякое предпринимательство. Главное — он произнес вслух слово «коррупция».

Вскоре после этого Пляцковского стали открыто преследовать. В правительственной и официозной региональной прессе регулярно появлялся негатив, причем вспоминали дела давно минувших дней, чуть ли

не студенческие времена, когда он с однокурсником сперва фарцевали, а потом сужали нуждающихся деньгами под проценты. Это были не слухи и не домыслы — факты, но Михаил Самуилович и не скрывал, с чего когда-то начинался его бизнес...

Похоже, Пляцковского вот-вот посадят, и помешать этому не сможет никто. И если даже заводы не разорят, а поставят новых руководителей... Государство не умеет управлять производством, в этом Петр Павлович был уверен.

Людмила принесла кофе.

— Больше ничего, Петр Павлович?

— Нет, пока ничего.

А через минуту на аппарате Селиванова мигнула лампочка. Людмила немного встревоженно сказала:

— Вам звонят из приемной губернатора. Сам звонит. Соединить?

— Да, конечно.

Волоконский был лаконичен как никогда.

— Срочный разговор. Давай прямо сейчас. Жду через пятнадцать минут.

В губернаторской приемной Селиванова хорошо знали. Оля, секретарь, пересидевшая уже трех глав региона, улыбнулась:

— Проходите, Петр Павлович, он вас ждет!

Разговор был и правда срочным и коротким. Волоконский даже не предложил сесть: спешил.

— Ситуация такая. Пляцковский сядет не сегодня завтра. Если хочешь удержать рынок и сохранить репутацию, тебе нужно менять поставщика. Прямо сейчас! Иначе загремишь под фанфары вместе с ним. Только здесь получится — не жид за компанию удавился, а наоборот.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что собеседник все понял. Поднял бровь нетерпеливо:

— Ну?

Селиванов прекрасно понимал, что у губернатора — меченая карта.

— Кого предлагаете взамен, Владимир Викторович?

Тот жестом подозвал к столу, показал бумажку, на которой от руки было нацарапано название компании — производителя и поставщика стройматериалов. Петр Павлович посмотрел на губернатора с недоумением.

— Они? Это ведь жулики, бракоделы, с ними ни один застройщик работать не станет по доброй воле!

Губернатор прошел за стол, сел, сквозь очки внимательно уставился на Селиванова. Пауза затянулась. Петру Павловичу стало холодно.

— Я не ослышался? — медленно произнес Волоконский и протер очки. — Ты назвал моих друзей жуликами и бракоделами?

Губернатор поднял руку, будто Селиванов собрался отвечать, а он этого не хотел слышать. Но Петр Павлович и не думал открывать рот. Он внимательно следил за главой. А тот вдруг спросил:

— Ты, Петр Павлович, из дерева ведь тоже строишь? Дерево — это лес. А лес кто-то рубит. Валит, по-гулаговски говоря. Или ты предпочел бы варежки шить? Верхонки строительные? Думаешь, не найду за тобой грехов? Ну-ну... Как говорят, было бы желание... Ты, случайно, наркотиками не балуешься?

Еще через пять минут Петр Павлович вышел в приемную, не ответил на улыбку Оли, выскочил на улицу, глотнул морозного воздуха. Сел в машину. Водитель, не спрашивая, повез его в офис. Там Селиванов попросил Людмилу набрать номер своего зама — того, с кем говорил утром.

— Сергей Максимович, вернешься с объекта — зайди.

С замом беседовал недолго. Тот вышел от шефа задумчив и бледен. После этого Петр Павлович заперся в кабинете, предупредил Людмилу, что его нет и не будет до завтра... или до послезавтра... Вынул из бара непочатую бутылку коньяка — и выпил ее всю, наливая в мелкую рюмочку. Рюмка предназначалась для гостей, но других, глубже, объемнее, в кабинете не было.

Два Апостола пил и думал о том, что распахнул врата в строительный рай жуликам и бракоделам.

8.

Юля очень волновалась. Хотя готовилась загодя. Но забыла сделать то, что планировала. Потому что волновалась. Она собиралась на первое в своей жизни свидание. Настоящее, «по-взрослому», в чужой квартире и без родителей рядом. Наверное, с шампанским. А забыла вот что: заранее договориться с подружкой, что она — у той на дне рождения, что сильно задержится и лучше бы ей остаться там на ночь. Так все было серьезно задумано. Без компромиссов.

И вот теперь Юля договаривалась с подружкой по телефону.

— Викуль, твои же уехали, я знаю, ты одна... — говорила она просяще. — Мои сроду не узнают, когда у тебя день рождения. Да и все равно им это, они собой больше заняты. Давай будто я у тебя сегодня переночую? Тебе потребуется — я тебя выручу... если смогу, конечно. Ладно? Я, может, и домой вернусь, — неожиданно закончила она. — Я же не знаю, как все обернется...

Потом позвонила папе:

— Мама станет ругаться, а ты, я уверена, скорее меня поймешь, хоть и мужчина...

Богдан поперхнулся чаем.

— Это что значит?

— Я после школы на день рождения иду сегодня к подружке, забыла предупредить, — торопливо затараторила Юля. — Там много народу

будет, наверняка все затянется. Я у нее останусь, чтобы по темноте не шархаться и тачку не ловить. Ты скажи маме, пусть не волнуется. И ты не беспокойся.

— Юлька, стой! — почти крикнул Богдан. — Замри! Я и правда, наверное, лучше мамы тебя понимаю, хоть ты и в нее характером. Я сейчас расскажу, что на самом деле, а ты ответишь правду. Ты влюбилась — не сегодня, конечно, но сегодня впервые идешь на свидание. Настоящее, без папы-мамы рядом. Он один и зовет тебя к себе в квартиру. Наверное, угостит шампанским — все так делают. Осуждать не стану, влюбилась — все равно пошла бы, не спрашивая. Позвонила — и на том спасибо. Но что посоветую. Если он просто козел похотливый — сразу поймешь, будет удерживать — дай сковородкой по башке и беги без оглядки. Если ты ему и правда интересна не только как телка на предмет трахнуть — тоже поймешь сразу.

— Папа, — ошарашенно прошептала Юля, — ну и формулировочки у тебя...

— Фигня, правда жизни. И если он даже стишки тебе будет читать сначала — все равно поймешь, что у него на уме. В общем, если что — тревожная кнопка. Звони. Приеду и убью.

— Ну, папа, ты даешь! — Юля была растерянна и счастлива. — Я и не подозревала, какой ты у меня... Только маме все-таки правду не говори, ладно? Женщина ведь. Не поймет.

Богдан заржал в трубку:

— Договорились!

Юра стихов не читал, но свечи зажег. Квартира была как квартира: три комнаты, по стенам — картины, где нет картин — застекленные книжные полки. Родители — юристы, и сам он — третьекурсник юридического. Собственно, и познакомились в университете, когда Юля приходила на консультацию. Столкнулись в коридоре, он извинился, заговорили — и понравились друг другу. Несколько раз встречались после занятий, гуляли, он рисовал будущее — пока только свое. Планировал наработать опыт, открыть собственную адвокатскую контору. Это их роднило особенно: оба мечтали защищать, а не обвинять. Наконец Юра предложил свидание. Никаких намеков и двусмысленностей, все откровенно:

— Давай так. Встретимся у меня, вдвоем, а там — как получится. Ничего такого, чего бы ты сама не захотела.

Он помог ей раздеться, повесил пуховик, поцеловал в губы.

Стол накрыл в зале.

— Бабушка называла эту комнату «зала» или «гостиная», — сказал Юра и показал портрет бабушки. — Родители тоже так привыкли, а вот я не перенял.

Они пили шампанское, закусывали фруктами.

— У меня знакомый есть, который уверяет, что лучшая закуска к шампанскому — редис, — говорил Юра. — Но редис все-таки корнеплод сезонный, так что извини, не запасся.

Она смеялась. Было легко. Сначала. Потом Юра подсел ближе. Стал серьезным, заволновался, заговорил сбивчиво: — Юля... Юлечка... Я не знаю, как оно будет потом у нас, как все сложится... Но сейчас я хочу, чтобы мы стали как можно ближе.

Он гладил ее по волосам, по плечам, по груди. Прижимал свои губы к ее губам, целовал бережно. Стал расстегивать кофточку. Она не возражала и тоже волновалась. Она была готова к такому именно свиданию.

Когда уже ничего из одежды не было на ней и на нем, когда оставался последний шаг, Юра вдруг встал, сказал:

— Подожди минуточку.

Он выдвинул из угла заранее подготовленную треногу с фотоаппаратом, направил камеру на диван, на котором Юля лежала без одежды. Девушка смотрела с недоумением. Жар в груди и ниже внезапно прошел.

— Зачем? — спросила она и села.

Юра виновато улыбнулся, не глядя на нее, настраивая камеру, включая режим видео.

— Ну... я же сказал — не знаю, как все потом у нас сложится... Тебе, как я понимаю, шестнадцать есть уже? Ты же вправе сама принимать решение о вступлении в половую связь?

Юля слушала его с нарастающим... нет, не удивлением — со страхом. С таким, какой вызывает внезапная встреча с тараканом, например, или жабой, у которой вокруг огромной мокрой пасти — бородавки. Она стала лихорадочно одеваться. Юра все поправлял камеру, не замечая ее состояния.

— И все-таки... Я — будущий юрист, мне нужны гарантии того, что ты добровольно согласилась быть со мной. Потому что как там дальше... — Он, наконец, заметил, что она одевается. — А ты чего? Ты зачем?

Юля встала, застегнула кофточку. Усмехнулась.

— У тебя наверняка будет своя адвокатская контора. — Ее душили слезы, но она сдерживалась. — Ты далеко пойдешь. Но... бедные твои клиенты!

Она направилась к двери. Юра лихорадочно напяливал на себя штаны, путался в рукавах рубашки.

— Юля, ты все неправильно поняла! Это я — для себя, чтобы потом вспоминать, потому что неизвестно ведь, что и как...

Ей вдруг стало смешно — так, что она расхохоталась.

— Слушай, у тебя на кухне сковородка есть?

Он растерялся.

— Есть. А зачем?

— Дай мне ее. Хотя... лучше не надо. Как бы чего не вышло.

Она открыла входную дверь, оглянулась.

— Пока, Юра. Спасибо за шампанское. Жаль, редиски не оказалось. Он смотрел ей вслед не с сожалением — встревоженно. И деловито спросил:

— Ты ведь не расскажешь никому?

Вот теперь Юле захотелось вернуться, пойти на кухню и взять скорородку.

Она захлопнула за собой дверь.

Дома еще не спали. Галина с удивлением взглянула на дочь.

— А мы тебя не ждали. Что так рано?

Юля неопределенно пошевелила пальцами в воздухе:

— Да так. День рождения не удался. Дураки все, — и ушла к себе.

Ей очень хотелось заплакать, но почему-то не получалось. Утром она все рассказала отцу. Богдан погладил ее по плечу, чмокнул в макушку.

— И шут с ним, убогим. Забудь. Все хорошо, что случается вовремя.

Он помолчал немного.

— Я не хотел тебе говорить, но лучше, чтобы ты знала. Твоя подруга Вика вчера позвонила. Она... — Богдан заговорил вдруг вкрадчиво-виновато, приглушенно — так, как говорят по телефону, желая поделиться неприличным секретом, — подражая подруге Вике. — Она сочла своим долгом сообщить, что никакого дня рождения у нее вчера не было, а день рождения у нее вообще летом, и никаких гостей она не ждала, и тебя у нее не было. — Он вернул свой обычный тон. — Хорошо, она мне позвонила, а не маме. И конечно, эта курица просила не сообщать тебе, что она тебя предала.

Юля выдохнула, не в силах произнести в присутствии отца то, что пришло на ум. И стала смеяться. Так громко и заливисто, что в кабинет заглянул Гоша.

— Вы чего тут — анекдоты травите? Завтракать-то дадут?

9.

Галина никогда не спрашивала мужа о том, почему каждый второй вторник месяца у него занят общением с друзьями. Он ей однажды, в самом начале, объяснил это так:

— Собираемся, пьем пиво, говорим о веб-дизайне, о технологиях новых — о том, что тебе вряд ли будет интересно.

Где собираются — не сказал, момент, чтобы спросить, был упущен, да и, в общем, важно ли — где? Галина не была ревнивой, муж ей был дорог, и возвращаться к теме она не стала. Раз в месяц можно потерпеть его вечернее отсутствие. Был бы у бабы — женский нюх тот еще, учуяла бы. Ну а не изменяет — и ладно. У мужчин могут быть свои секреты.

В этот день, однако, ей не повезло дважды. Или дважды повезло — как знать?

Около полудня, перед самым обедом в корпоративном чате замигало срочное сообщение. Адресовано было всем сотрудникам, отправитель — Сам. Галина аж привстала от неожиданности. Михаил Самуилович Пляцковский, небожитель, крайне редко снисходил до общения с рядовыми, да и не рядовыми, сотрудниками. Даже она, штатный пиарщик компании, видела его только накануне отчетных сессий, когда собирались руководители и топ-менеджеры всех филиалов, журналисты, сотрудничающие с компанией Пляцковского, и нужно было получить указания от Самого, как вести себя с прессой, когда и где назначать пресс-конференцию, что официально заявлять в пресс-релизе, а на что — неофициально — ориентировать коллег. Пляцковский завел правило: кроме официальной пресс-конференции, он встречался с журналистами отдельно, за чаем с печеньюшками, просил при этом операторов выйти, диктофоны убрать и говорил слова откровенные, а порой — крайне рискованные.

Сегодня день был обычный, февральский, никаких отчетных сессий; письмо в чате было тем более неожиданным, что Галину о планах не предупредили. Михаил Самуилович писал: «Уважаемые коллеги! Убедительно прошу вас отложить все намеченные на сегодня планы и в 17:00 быть в конференц-зале головного офиса. Отказы по любым причинам, кроме собственной смерти, не принимаются».

Галина минутку подумала, позвонила пресс-секретарю по мобильному.

— Саша, что это было?

— Ничего не могу сказать, — ответил тот. — Сам в растерянности. Знаю только, что дело сугубо внутреннее, без пресс-огласки.

Сотрудники собрались — управленцы, специалисты. Пляцковский вышел на трибуну, откуда обычно менеджеры докладывали о достижениях компании за отчетный период. Он был, как обычно, в серой водолазке и джинсах, серьезен и деловит.

— Здравствуйте, коллеги. Я не буду говорить долго, чтобы не отнимать у вас время. Как вы наверняка знаете, надо мною сгустились тучи. Я стал неуютен. Бизнес у меня отнимут, это вопрос считанных месяцев. Заодно отнимут и свободу. У меня два выхода: сесть или уехать. Кроме бизнеса, у меня есть другие ценности — жена, дети, родители. Я уезжаю. Как я не раз говорил журналистам, у меня нет острова в Тихом океане. Но у меня есть друзья. Пока еще возможно, они меня ждут. Очень скоро наша группа компаний перейдет в руки того, кого назначит государство. Ваш выбор — работать здесь по-прежнему или уйти. Советую остаться. Я очень надеюсь, что после моего отъезда власть сохранит заводы и людей. У нас редкие специалисты. Заменить вас некем.

Михаил Самуилович помолчал, слушая молчание зала.

— Я все сказал. Вопросов не жду.

Он резко повернулся и вышел. Тишина — гнетущая, мертвая — стояла еще несколько минут. Потом люди стали расходиться — безмолвно, как с похорон. Галина вышла вместе со Щербіной, пресс-секретарем

Пляцковского. Плотный, красивый мужчина лет пятидесяти, хороший журналист и опытный пиарщик, всегда отличавшийся непроницаемым выражением лица, сегодня он выглядел растерянно.

— Саш, что будешь делать? — спросила Галина.

Щербина потер широкий лоб.

— Черт его знает.

— Так все неожиданно...

Он усмехнулся:

— Не так уж неожиданно. Сама же рассказывала — вспомни.

Галина вспомнила. Пару недель назад за ее «фордом» прицепилась «нива» с синим ведерком на крыше. Подрезала, останавливалась под знаками, если Галина парковалась в кармане и не оставляла места для второй машины. Водитель и пассажир насмешливо подмигивали ей. Она тогда рассказала об этом Саше, тот коротко комментировал:

— Пугают. Не обращай внимания, но будь осторожна.

После работы Галина не поехала сразу домой, тем более что у Богдана этот вечер был занят встречей с друзьями. Ей нужно было собраться с мыслями, как-то согласовать себя с новой реальностью. Она поколесила по городу, съехала по объездной на окраину. Остановилась у незнакомого кафе, решила выпить кофе.

Кафе называлось «Сумерки».

Галина закрыла машину, подошла к двери, уже взялась за ручку — и вдруг сквозь полуподвальное окно увидела мужа. Богдан тянул коктейль из высокого бокала, улыбался и говорил с женщиной — красивой, породистой, ухоженной. Та улыбалась ответно, склонив голову.

Галине сделалось горько и пусто. «Все-таки баба... Как глупо!»

Она вернулась к машине, села за руль, медленно поехала домой.

10.

Через две недели губернатор Волоконский снова позвонил Петру Павловичу — на этот раз прямо на сотовый.

— Нужно встретиться. Срочно. Жду.

Селиванов чертыхнулся про себя — и так все рушится, тут еще этот...

Не поехать не мог.

Глава встретил его, как в прошлый раз, стоя посреди кабинета.

— Последние новости ты, конечно, уже знаешь, — не здороваясь, блеснул очками Волоконский. — Пляцковский уехал. Ему позволили. Группу компаний хотели национализировать, но решили иначе. — Он посмотрел на Петра Павловича со значением. Вдруг смягчился: — Да ты садись. В ногах какая правда? Что-то я... напряжен последнее время. И всех напрягаю. Садись, — повторил и сам уселся, не в кресло — на стул у стола совещаний.

Петр Павлович сел. Напряжение и чувство тревоги не отпускали.

— Я только что в ногах у министра не валялся, умоляя его и тех, кто выше, сохранить все так, как есть. В общем, решение такое. Собственность Пляцковского арестуют за долги... ну или по какой другой причине. Найдут скелет в шкафу, не проблема. Заводы временно перейдут в собственность государства, их тут же выставят на торги, новый собственник получит кредит и выкупит все производственные активы. Все случится быстро и законно. Ну?

Селиванов ничего не понимал.

— А я-то здесь при чем?

Губернатор хлопнул себя рукой по лбу:

— Вот я дурак-то! — Он громко и неестественно засмеялся. — Главное забыл! Новый собственник — ты. Такое вот решение.

Петр Павлович медленно поднялся. Лицо его стало багровым.

— Слушай, ты... Владимир Викторович... Ты меня за кого принимаешь? Я не падальщик! Пляцковский не был мне другом, но я его уважаю и как человека, и как предпринимателя. То, что с ним так поступили, — что ж, против лома нет приема. Но меня оставьте в покое! Мое имя хотя бы не марайте. Ты меня и так нагнул, заставив отказаться от его услуг, — не вешай на меня новых грехов!

Селиванов направился к двери, по дороге нечаянно пнув стул. Волоконский вдруг снова засмеялся. Это было так неожиданно, что Петр Павлович остановился, обернулся на губернатора. Тот поднялся, тоже пнул стул — намеренно, превратив сцену в карикатуру. Подошел к Селиванову.

— М-да... Недаром тебя сотрудники зовут Два Апостола. Давай-ка еще раз присядем, я тебе кое-что объясню. Сразу скажу: откажешься — ничего с тобой не случится, угрожать тебе не стану, не вижу смысла. Но ты не откажешься.

Петр Павлович нехотя вернулся, сел.

— Вот слушай, Петр Павлович. Я — губернатор не самой маленькой в России области. Заводы Пляцковского — не все, но главные, добывающие и производящие основную линейку, — здесь, на нашей территории. Это и налоги, и занятые люди, и экономический престиж. Капитал, если хочешь. Мой политический капитал. Сейчас вся эта экономика Пляцковского эффективна до удивления. Мне нужно, чтобы это удивление на правительственных лицах сохранялось как можно дольше. Мне нужно эффективное производство, нужны успешные предприятия. Кориستن я? Да, конечно. Честолюбив? Без меры! Видишь, как я с тобой откровенен? Ты мне нужен, Петр Павлович. Но корысть здесь, думается, может стать обоюдной. Сам подумай: если активы Пляцковского перейдут в чужие руки — им очевидный кирдык. Люди, в том числе крутые специалисты, конечно, разойдутся по другим предприятиям. Но этих предприятий немного, и не будет уже такой концентрации тех, кто умеет и хочет работать. Тебя знают, тебе доверяют. От тебя не уйдут.

Губернатор сделал паузу.

— Ну?

Петр Павлович барабанил пальцами по столу. Гнев ушел, осталась озабоченность.

— Ну хорошо... Но кредит...

— Кредит обеспечим гарантиями, — твердо произнес Волоконский и поправил очки. — Я правильно понимаю — ты готов?

Петр Павлович вздохнул тяжело — так тяжело, что Волоконский хмыкнул:

— Да ладно ты! Не Родину продаешь...

— Убедили, Владимир Викторович. Только давайте уж хотя бы для виду аукцион устроим.

— А без этого никак, нам иначе закон не позволит! — Губернатор радостно потер руки, встал. — Кстати, Петр Павлович, мы тут вроде по твоей инициативе на «ты» перешли? Пусть так и будет. Хорошо?

Селиванов молча кивнул.

— Детали — после, как только все будет готово. По рукам?

Пожали руки.

Селиванов приехал в офис, попросил Людмилу ни с кем его не соединять, достал из бара коньяк...

11.

Галина решила ничего мужу не говорить о том, что увидела, ни о чем не спрашивать. Мало ли... С одноклассницей встречался, может, да не стал жене говорить, чтобы не ревновала. Если даже застарелая любовь — ну бывает. «Одноклассница», судя по виду, тоже далеко не молода и, скорее всего, не одинока, да и Богдан вряд ли станет менять состоявшуюся жизнь. А спросишь — начнет волноваться, объяснять... врать... Когда вот так подумала — горечь прошла, вернулась трезвость ума и оценки. И на время она забыла об этом. Потому что на работе события развернулись стремительно.

Предприятия компании Пляцковского были проданы так скоро, что даже отечественные бизнес-аналитики не успели проследить и что-то понять. Все произошло в считанные месяцы, если не сказать — недели. Уже в начале марта, незадолго до Женского дня, позвонил Саша Щербина, сказал:

— Завтра в десять ноль-ноль нас ждет новый шеф. Нас с тобой, — подчеркнул он. — Видимо, будут установки.

Никаких особых установок, впрочем, не было. Петр Павлович, подтянутый, живой, энергичный, возрастом, пожалуй, чуть младше Щербины, обоим пожал руки, жестом показал — садитесь.

— Давайте, ребята, откровенно, — начал он после обмена дежурными представлениями. — Думаю, для вас я не кот в мешке, вы знаете

обо мне достаточно. Наверное, поэтому до сих пор не подали заявления об увольнении. И все же в ваших глазах я — варяг, притом ухвативший готовенькое. Не стану скрывать, в каком-то смысле так и есть.

Александр и Галина переглянулись. Селиванов усмехнулся.

— Шокирую? Ну а как еще объяснить, что компания теперь принадлежит мне?

Он помолчал.

— Я, может, и не хотел бы, но буду с вами откровенен по двум причинам. Во-первых, это поможет нам понять друг друга и, возможно, друг другу поверить. Во-вторых, это позволит вам правильно построить стратегию и тактику отношений с прессой, которая, конечно, будет искать причины и назначать следствия. Так уж она устроена. Согласны?

Журналисты синхронно улыбнулись. Кажется, поверили новому шефу.

— А раз так — станем работать!

Он не сказал — «начнем работать». Он сказал — «станем». Тем самым обозначив себя не как варяга, который огнем и мечом сперва выжигает и косит наработанное предыдущими хозяевами, а потом по собственному лекалу выстраивает бизнес. Чаще всего такой путь кончается тупиком. Петр Павлович решил сохранить и приумножить. Галина и Александр поняли и приняли.

Поднимаясь, Галина невольно бросила взгляд на стол руководителя. Ее внимание привлекла фотография женщины — по виду молодой, очень красивой, очень... породистой. Кого-то она ей напомнила.

— Ваша жена, Петр Павлович?

— Да, моя жена. Единственная и вечная. Не расстанусь с ней даже здесь, как видите. — Селиванов легко улыбнулся.

Галина смутилась:

— Простите мое любопытство.

— Ну что вы! Пиарщики вправе знать о шефе все, включая его семейные отношения. — Он засмеялся — так же легко. И пожал Галине руку.

Вышли вместе — она и Саша Щербина. Прежде общались редко, разные были задачи. Случившееся их сблизило. Саша кивнул в сторону своего кабинета:

— Зайдешь? Обсудим.

Кабинет пресс-секретаря в точности повторял кабинет руководителя пиар-службы, располагались они на разных этажах, но выглядели близнецами. Плячковский даже ключевых сотрудников не баловал роскошью убранства служебных помещений, ну а журналисты и пиарщики к ключевым и вовсе не относились. Правда, у Щербины в стенной нише имелся свой маленький бар — у Галины такого не было.

Саша достал бутылку, сполоснул бокалы.

— Не возражаешь против хереса? Успокаивает.

Налил, выпили молча. Галина усмехнулась:

— Как на похоронах...

Щербина усмешку не принял. С треском поставил бокал.

— Ножку отлотишь, Саша.

— И хрен с ней!

Помолчал.

— Ты понимаешь, что мы сейчас совершаем предательство? Мелкое, но все-таки.

Галина не то чтобы удивилась. Ее тоже мучило непонятное чувство — вины, стыда... Но вот так, отчетливо, произнести «предательство» — она не могла.

— Отчего, Саша? Мы работаем в компании, которую создал Пляцковский. Теперь она перешла — пусть даже не совсем легитимно — все-таки в хорошие руки, в руки человека, которого мы тоже знаем и которому можем доверять. По крайней мере, знаем, что он не жулик. Почему — предательство?

Щербина задумчиво посмотрел в окно — были видны голубые ели, высокие, старые, посаженные еще в советские времена. Они укоризненно качали верхушками. Допил херес, налил еще.

— У меня в жизни был такой эпизод. Лет двадцать пять назад — так, кажется, не скажу точнее — был у меня свой бизнес. То есть мы его делали втроем, но инвесторами были два моих партнера, муж и жена. Ясно изъясняюсь?

Щербина вдруг мгновенно опьянел. Галина посочувствовала:

— Не очень, но говори. Пойму.

Он снова налил себе и, не спрашивая, плеснул ей.

— Я реально управлял этим бизнесом, нанял людей. Команда была классная, мы очень скоро стали обгонять конкурентов.

— А бизнес какой?

Щербина недоуменно уставился на нее.

— Ты что? Журнал, конечно! Что я еще умею делать? Ну вот. Все было хорошо. Но... С партнерами у нас скоро возникли разногласия, особенно с дамой. Она ревниво относилась к моим новым назначениям, не признавала, что свое дело я знаю лучше, чем они с мужем. Давала дурацкие советы. В конце концов мы разошлись. Я вышел из проекта, и вслед за мной уволились все сотрудники. Никого не подговаривал — просто завязаны все были на меня. Мне верили, им — нет. Я был своим: и журналистом, и бизнесменом, — ни разу ни в одном из этих качеств не подвел никого, а кого-то чему-то и научил. В общем, ушли все. Остался один. Он честно сказал: «Для дальнейшей карьеры мне нужен статус редактора. Здесь больше никого нет — значит, редактором назначат меня. Простите, я не уйду».

Щербина снова замолчал, налил опять полный бокал — бутылка почти опустела.

— И? — нетерпеливо произнесла Галина.

— Ну что — и? Проект скоро закрыли. Но мой бывший сотрудник успел выйти в редакторы. Два десятка лет прошло. Сегодня мы с ним иногда видимся и вежливо раскланиваемся. А когда-то были почти друзьями.

Саша отхлебнул хереса.

— Понимаешь, все ведь вроде правильно. Он честно признался: нужен статус и только ради этого остается. И я понял и принял. Но... вот, блин, получается как в анекдоте: ложечки отыскались, но осадочек остался. И не могу ничего с этим осадочком поделаться, понимаешь? И он тоже, судя по всему, мучается. Тоже — осадочек...

— Думаешь, и мы теперь такой осадочек в себе носить станем?

Щербина усмехнулся:

— Ну а чего тут думать-то? — Он допил херес. — Но решение-то мы приняли? И оно правильное, черт возьми...

12.

Отнудил короткими метелями февраль, март в самом начале стал недобро, исподлобья поглядывать на зимние сугробы, еще не поджаривая, но уже местами оплавливая косыми лучами снег. Ходить по городу стало труднее из-за гололеда. Зимний гололед, о котором предупреждает автомобильный компьютер, — ничто перед тем, который начинается ранней весной. Даже не весной еще — тогда, когда она только предчувствуется, только обещает прийти. Дневные лучи ласкают упавшее с неба полотно, снег разнеженно тает, течет истомой, ночью не ушедшая пока зима шикает на не пришедшую еще весну, и к утру торопливая нежность оборачивается ледяной коркой непонимания.

Ближе к весне у Богдана появились заказчики на печи — да внезапно столько, что их пришлось выстраивать в очередь.

— Время такое странное, — говорил владелец фирмы из Медногорска. — Странное время! В январе звонит мне хозяин кафе из области, просит поставить камеры слежения — вилки-ложки воруют, представляете? Ну раньше, в советские времена, помню, и правда воровали ложки-вилки в столовых. Но сейчас-то?!

Богдан осматривал дачу, в которой нужно было сложить печь, и не сразу понял, о чем речь. А хозяин очень ждал участия.

— Нет, вы представляете?!

Богдан представил.

— А что за кафе-то? Где? У вас, в Медногорске?

— Я ж говорю — в области, у вас! — Хозяин, похоже, обиделся.

— А, понятно, — виновато сказал Богдан. — Вы простите, я же сейчас — все внимание вашей будущей печке... А какое кафе? Может, знаю?

Может, сам пару вилок оттуда утащил? — Он попытался снять неловкость.

Хозяин засмеялся облегченно.

— Вряд ли вы там бывали! Оно на окраине, и название подходящее — «Сумерки».

Богдан невольно вздрогнул.

— Я знаю это кафе. И — точно! — камеры там как раз зимой появились. Ну да ладно, давайте сформулируем техзадание...

Был вечер второго вторника месяца, и был тот самый день. Богдан шел домой из кафе. После разговора с заказчиком — капризным и довольно бестолковым — он все-таки успел на встречу с Виолеттой. И вот — возвращался. Он отчаянно скользил по тротуару, который дворники не успели освободить от льда, а городские службы не удосужились хотя бы просто посыпать песком. Богдан ругался — и все-таки пел про себя. Каждая встреча с Виолеттой создавала приподнятое настроение, и хватало этого настроения надолго.

Он поскользнулся, упал — и понял: в локте трещина или перелом. Больно очень, хотя не ужасно. Вдруг вспомнилась песня, слова которой Богдан сначала услышал от Виолетты, а потом отыскал в интернете, скачал и теперь иногда слушал в машине:

Прощай, колокольчик. До века отныне
сменить нам небесную твердь на твердыню,
роптать потихоньку на дикую долю
и воли не помнить.

И дальше:

И веры не выбрать, и воли не помнить,
смирясь, изучать географию комнат,
под платом, халатом, под палевым пледом —
до лета, до века...

«Вот теперь так и буду — под халатом, под палевым пледом, пока рука не наладится...»

Он с трудом встал, отошел к обочине, где было не так скользко. Боль в руке нарастала. Как назло, в правой. С трудом достал телефон левой рукой, вызвал такси.

Дома жена посмотрела на него внимательно, охнула, посадила в машину, отвезла в травмпункт.

— Трещина, — устало сообщила женщина в белом застиранном халате. — Наложим шину, забинтуем, походите так недельку — и снова к нам. Срастется за это время, думаю. Главное, перелома нет.

Она склонилась над бумагами.

— Вы доктор? — на всякий случай уточнила Галина. Богдану было все равно. — А может, рентген сперва?

— Медсестра, — так же устало, не отрываясь от бумаг, сообщила женщина в халате. — Нет у нас докторов ночью. Не бывает. И рентген ночью не работает. Ну, давайте вашу руку.

Галина внезапно — почему-то именно здесь, в травмпункте, — поняла, чья фотография стояла на столе у Петра Павловича.

13.

Мартовским вечером, в середине недели, в кафе «Сумерки» вошла женщина. Возрастом, по виду, слегка за сорок. Внешность не яркая, но привлекательная, живое и умное лицо, подтянутая фигура, решительные складки у губ... да что там: это была Галина. И пришла она, как уже понятно читателю, на разведку. Боем.

Бармен, он же хозяин, Ростислав, повел себя как в тот раз, когда в это кафе впервые вошел Богдан. Он кивнул — поздоровался и одновременно указал на свободный столик, хотя в кафе почти никого не было, — и отвернулся, уткнулся в какие-то бумаги. Галина, однако, садиться не стала. Она подошла к хозяину.

— Здравствуйте.

Тот на секунду поднял глаза.

— Добрый вечер! Присаживайтесь, официант подойдет.

— Спасибо, но я с вопросом. К вам лично.

Хозяин оторвался от бумаг.

— Слушаю.

Галина вынула из сумочки фотографию.

— Скажите, вам это лицо знакомо?

Ростислав посмотрел на фото, медленно перевел взгляд на гостью.

— Вы кто?

— Какая разница! — Галина старалась говорить спокойно, но получалось плохо. — Этот человек ведь бывает здесь?

Ростислав вздохнул. Он успел собраться.

— Почему я должен отвечать вам?

— А почему нет?

Хозяин вышел из-за стойки, жестом пригласил женщину к столику.

— Давайте все-таки сядем и вы мне объясните все. Хорошо?

Галина хотела возразить — и вдруг подчинилась. Они сели. Ростислав попросил официанта принести чай.

— Не возражаете против зеленого?

Она молча кивнула.

— Ну, рассказывайте.

Галина вопросительно подняла брови:

— Я?

— Ну не я же к вам пришел с вопросами и фотографией. Чего вы хотите?

Она вздохнула — вздох невольно получился жалобный, беспомощный.

— Понимаете... Это мой муж. Я знаю, что каждый второй вторник месяца он здесь бывает, встречается с женщиной. Я знаю, кто она. Я не представляю, какие у них отношения, но... но это — мой муж. А она — жена моего шефа. И встречаются они...

— И встречаются они уже третий год, — перебил ее хозяин. Он говорил без всякой интонации, просто констатировал факт. — Они приходят в одно и то же время, сидят за одним и тем же столиком, сидят ровно два часа — и уходят в разные стороны. Он ей ручку целует. Вы это хотели узнать?

Галина улыбнулась беспомощно.

— Наверное... — И вдруг ее осенило: — А скажите, у вас же есть в кафе камеры слежения? — Она показала пальцем на потолок, где виднелся объектив камеры. — Вижу — есть.

Хозяин пожал плечами:

— Да, этой зимой установили. Посуда стала пропадать. По мелочи, но неприятно. Район сами понимаете какой — окраина, постоянных гостей здесь немного. Случаются такие, кто за рюмкой или кружкой пива приходит, ну и уносит с собой, что под руку попало. Не уследишь. Вот и пришлось...

Галина неожиданно положила руку хозяину на локоть. Спросила, волнуясь:

— Сколько времени хранятся записи с камеры? Неделю, месяц, год?

Хозяин снова пожал плечами, на сей раз растерянно.

— Не знаю... Ну, наверное, пока памяти хватает, потом стираются — и все пишется заново... Просто не знаю, честное слово!

— Но вот недавние записи — скажем, прошлой недели или прошлого месяца, — они ведь должны сохраниться?

Хозяин опять поднял плечи.

— Наверное. Надо специалистов спросить, которые камеры ставили.

Галина жала пальцами его локоть — так, что Ростислав удивился.

— Спросите, а? Пожалуйста. Очень вас прошу! Если да — я готова купить у вас эти записи.

Ростислав от неожиданности крикнул, стряхнул руку Галины.

— Вы в своем уме? С какой стати я вам стану что-то продавать? Вы потом будете этих людей шантажировать, я в жизни не отмоюсь от позора, даже если вы никому об этом не скажете! Совесть-то у меня есть или как?

Галина хотела ответить — вдруг лицо ее залила краска. Она закрылась руками, сидела так. Успокоилась.

— Простите... Я вовсе не хотела обидеть вас. — Снова помолчала, отхлебнула горячий чай. — Да и не знаю я, насколько у них это серьезно...

Никого, конечно, шантажировать не собираюсь, зря вы это. — Она отодвинула чашку с чаем. — Сколько с меня?

Он пожал плечами, глядя на нее внимательно и с неожиданным сочувствием.

— Нисколько. Угощение от меня лично. Да вы и не выпили ничего. Галина поднялась, поправила стул.

— Прощайте. Спасибо вам. И простите меня.

14.

В Медногорске, в компании, где работал Геннадий, сейчас было оживленно, не то что в январе. Не аншлаг заказчиков, но и не простой, когда специалистам приходилось развлекать себя стрелялками в интернете или просмотром горькой правды на новостных сайтах. Геннадий был занят: рисовал охранный периметр, расставлял датчики и камеры наблюдения на участке заказчика. Дисплей показывал участок, программист оценивал — в каких местах расставить электронных «следаков», как организовать систему наблюдения с наименьшими затратами на персонал. Так была поставлена задача.

В это время позвонил шеф:

— Ген, привет! — И без предисловия: — Дело такое... Помнишь, ты монтировал систему наблюдения в кафе «Сумерки» в областном центре? Ее надо снять.

Геннадий не понял.

— Что значит — снять?

— Понимаешь, — неловко замялся шеф, — ситуация странная. Позвонил владелец, сказал: система себя не оправдала, вилки тырят по-прежнему, а из-за камер постоянные гости нервничают — мол, за кого нас здесь держат. Местечковая психология, Гена. Прошу, поезжай, сними эти чертовы камеры! — И, опережая возражения: — Заплату вдвое.

Геннадий чертыхнулся.

— Ну а с текущим заказом как? Он тоже вроде такой... не терпящий отлагательств.

— Объясню заказчику. Навру. Скажу, заболел ты, — шеф хохотнул, — ковид у тебя.

— Типун тебе на язык величиной с лошадиную голову, Захарыч! — от души пожелал Геннадий. И засобирался: — Когда ехать?

— Уже.

15.

Богдан сидел дома с шиной на руке, злился, что не может работать, что пришлось отложить печку в Медногорске.

«Пустьяковая трещина — а полная парализация движений и возможностей», — думал он невесело.

Вернулась с работы Галина. Чмокнула в щеку, посмотрела на него странно, сказала:

— Переоденусь — приду поговорить.

Богдан пожал плечами.

Галина пришла в домашнем, спросила неожиданно:

— Выпить не хочешь?

Он удивился.

— Что-то случилось? Хорошее или плохое?

Жена усмехнулась:

— Трудно сказать... Налью?

Не дожидаясь ответа, достала из шкафчика бутылку сухого красного вина, налила два бокала. Богдан всегда держал в кабинете вино и коньяк, хотя выпивал редко.

Они чокнулись. Богдан внимательно смотрел на жену. Вино показалось безвкусным, хотя Испанию он любил и ценил за богатый букет. Он поставил пригубленный бокал, спросил — голос звучал хриловато, выдавал волнение и ожидание неприятного разговора:

— Что же все-таки, Галя?

Она тоже поставила бокал — он был пуст. Налила еще.

— Я была в кафе «Сумерки». Я видела тебя с женщиной. Ее зовут Виолетта. Она жена моего нового шефа.

Богдан от неожиданности встал. Прошелся по кабинету. Сел. Улыбнулся невесело.

— Ну да, ничто не вечно. Когда-то наша тайна должна была стать достоянием близких... Петр Павлович тоже знает?

— Если и узнает, так не от меня.

Галина повертела бокал.

— Скажи мне, это серьезно?

Богдан вздохнул, допил вино, открыл шкафчик, достал коньячную рюмку, бутылку. Одной рукой открывать коньяк было неудобно, он жестом попросил жену помочь. Галина открыла, налила. Богдан молча выпил.

— Ну, слушай. Только постарайся не перебивать и дослушать до конца. А там решишь сама, как поступить.

Он рассказал ей о том, самом первом, студенческом ноябрьском вечере, о первой встрече с Виолеттой, первых стремительных чувствах и моментальном прозрении.

— Мы сразу, без тени сомнения, без предисловий и, главное, без слов поняли, что мы созданы вот для таких встреч. Не для постели, не для утех. Потому что постель и утехы влекут за собой предательство. Мы никого не хотели предавать. Да что — не хотели: не хотим. Один день в месяц мы принадлежим друг другу. Разве это преступление? Это же все равно, что я бы с друзьями раз в месяц пиво пил, разве нет?

В этом месте Богдан покраснел. Последняя фраза вырвалась поперек воли и показалась уж слишком обывательской. В ней содержалась неправда. Ему стало стыдно.

Галина снова усмехнулась — не холодно уже, не отстраненно: горько. — Никого не хотели предавать... Так ведь предали. Сам-то понимаешь?

Богдан не ответил. Налил рюмку — на этот раз самостоятельно, здоровой левой рукой.

— Кругом виноват... Что же ты предлагаешь?

Галина допила вино, убрала бутылку в шкафчик. Решительно посмотрела на мужа.

— Предлагать я ничего не стану. Предлагать — значит советоваться. В моем положении не советуются, а принимают решение. Я его приняла.

16.

В семье Селивановых было маленькое семейное торжество. Петр Павлович и Виолетта отмечали двадцатилетие совместной жизни. На какие-то гастрономические изыски времени не хватило. Виолетта купила торт, Петр Павлович принес шампанское — тем и ограничились. Неожиданно приехал Геннадий, хотя для него такого рода даты были не то чтобы совсем уж пустым звуком — родителей он любил и уважал, — но всерьез не воспринимались. Мало ли когда кто кого встретил и при каких обстоятельствах... А вот приехал, сидел, слушал, пил чай с тортом — шампанское нельзя: за рулем, возвращаться в Медногорск ночью. С каким-то загадочным, необычным для него выражением смотрел на мать и отца. Как будто что-то взвешивал.

— Помнишь, как мы встретились? — Петр Павлович возбужденно размахивал бокалом, расплескивая вино. — Университет, твой матфак, мой физфак... Студенческая столовка. Девушка с подносом тычет пальцем в меню и говорит подруге: «Представляешь, бефстроганов из минтая!» И обе громко хохочут. А я, провинциальный балбес, возмущенно оглядываюсь — что смешного-то? Мне этот бефстроганов очень нравился, потому что был дешевый. И натыкаюсь на глаза — и понимаю, что попал. И возразить уже не могу, и чуть поднос свой не уронил.

— Да-да! — подхватывает Виолетта. — Так и было, помню. Я еще подумала, какой неуклюжий, и даже посочувствовала. Зато потом — откуда храбрость-то взялась? — как ни войду в обед в столовую, так непременно следом в очереди этот физик интеллигентный. Улыбается, только что не кланяется и шляпу не снимает. «Я, — говорит, — столик занял!» — и кивает подносом в нужную сторону. Ну как устоять?

— Да-да, — почти перебивает Петр Павлович, открывая вторую бутылку Mondoro Prosecco, — так и было, так точно и было!

А потом — помнишь: «Не могли бы вы салфеточку передать?» Ну я передал. А на салфеточке — помнишь?

Виолетта смеется от души:

— Как забыть такой шедевр изящной поэзии? «Виола, Виолетта, туманятся глаза. Войду в тебя, как в Лету, и не вернусь назад!» Салфеточку не сохранила, каюсь, так ведь наизусть помню!

Она поставила бокал, подошла к мужу, прижалась, поцеловала нежно, искренне.

Геннадий поставил чашку с чаем на стол — так поставил, что отломилась гнутая ручка, а на скатерти образовалось бурое пятно. Он секунду повертел в руке обломок, бросил на скатерть, в чайную лужу. Родители с удивлением посмотрели на сына.

— Что-то не так?

— Пап, мне поговорить надо с тобой. Можем без мамы? В кабинете? Я потом уеду, тороплюсь уже, лучше прямо сейчас. Прости, мама. Петр Павлович пожал плечами.

— Ну... у мужчин свои секреты... Извини, Виола, — надеюсь, мы ненадолго.

Виолетту царапнуло предчувствие.

...Прежде чем снимать камеры и демонтировать всю систему слежения в кафе «Сумерки», Геннадий попросил хозяина на всякий случай посмотреть последние записи. Вдруг на них что-то такое, что Ростиславу покажется важным. Тот пришел, бегло просмотрел.

— Нет, ничего полезного, можно все обнулять.

И ушел.

Геннадий некоторое время посидел в оцепенении. Он тоже смотрел записи. Он увидел мать, потягивающую мартини и любезно беседующую с незнакомым мужчиной. Незнакомым ли? Геннадий еще раз прокрутил запись. Да нет, мужчина был хоть и далеким, но знакомым, из тех, о ком говорят: «Он меня вряд ли вспомнит, но я-то его знаю». Это он выкладывал печь на даче Захарыча, когда Геннадий проверял работу камер слежения. Они бегло поздоровались и больше не виделись, мужчина был слишком увлечен работой, но лицо почему-то запомнилось. Запомнилось и редкое имя: Богдан.

В кафе они — Богдан и мать — общались так, что сомнений не возникало: за столиком двое влюбленных. Геннадию стало горько и тоскливо. Он вдруг вспомнил картину, которую подарил родителям на какой-то праздник: двое сидят на старинных венских стульях, глядя не то на Эйфелеву башню, не то на собор Нотр-Дам, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Он подарил им эту картину не слишком знаменитого художника как символ вечной любви. И вот она — любовь, вечная и неувечная...

Геннадий выделил фрагмент нужной записи, скопировал его на флешку. Зачем? Сам еще не мог дать себе в этом отчет.

И вот — дал.

— Пап, я тебе сейчас ничего не скажу, только попрошу посмотреть запись. А потом поговорим.

Петр Павлович не понимал, но молча согласился. Геннадий включил компьютер, вставил флешку...

Отец поставил пустой бокал, хрустнул пальцами.

— Что ж... Откуда это?

Геннадий рассказал. И заторопился, опережая вопросы:

— Я принес это тебе не затем, чтобы ты ругался и потрясал кулаками. Да тебе это и не свойственно. Мне просто стало обидно за тебя. За вашу любовь стало обидно. И за себя, конечно.

Петр Павлович сидел, снова взял бокал.

— Там, в шкафчике, за стеклом коньяк. Плесни, пожалуйста. Прямо сюда, в этот фужер. Что за мужик-то, знаешь?

Геннадий махнул неопределенно — почему-то не захотел признаваться, что знает.

Петр Павлович выпил коньяк, внимательно взглянул на сына.

— Понимаешь, Гена, что совершил сейчас поступок... необратимый? О нем забыть никто никогда не сможет. Понимаешь это?

Геннадий посмотрел на отца внимательно и кивнул.

— Да, папа. Я все понимаю. И цену своему поступку хорошо знаю. Я долго колебался... ну, ладно, не очень долго, просто время поджимало. И знал я, что ты мой поступок не примешь и осудишь. И я потом из этого своего Медногорска по телефону с вами общаться стану, а ты и мама под разными предлогами будете от встреч откашивать. Не дурак я, папа. Но... Ты меня послушай, прежде чем осуждать и решения принимать. По крайней мере, решение в отношении меня.

Он вдруг взял бутылку, плеснул себе коньяка, выпил, поморщился:

— Не пью ведь совсем почти... Дрянь. Ладно, дальше. Мама для меня всегда была почти иконой, понимаешь? Ты, когда я маленький был, дома редко появлялся, выстраивал бизнес, приходил поздно, я тебя почти не видел. А она мне сказки рассказывала. В том числе те, в которых ты — герой. — Геннадий усмехнулся — добро усмехнулся, без подтекста. — Ты и правда был героем и для меня, и для мамы. И ее сказки стали былью, я на тебя стал равняться. Но и она для меня осталась... Андерсеном.

Он снова выпил. Петр Павлович смотрел на сына с тревогой.

— Ничего? Не переберешь? Ехать ведь...

Геннадий махнул рукой:

— Заем чем-нибудь. По городу уж как-нибудь. А у нас на этот предмет не проверяют, главное — пропуск.

Но рюмку все-таки отдал отцу, чтобы больше не соблазниться.

— Ну вот. И понимаешь, вот я вижу: родная моя мама, для меня святой человек, сидит с мужчиной, который явно не просто знакомый, они

что-то там пьют, он ей ручку целует... Папа! Что я должен делать? — Он совсем тихо сказал: — Это ведь предательство? Я не прав?

Петр Павлович вздохнул — так глубоко, как вздыхают перед прыжком.

— Предательство, Гена. Но ведь и то, что ты сейчас сделал, тоже предательство. И исправить ничего уже нельзя.

Из кабинета они вышли вместе. Петр Павлович был заметно пьян.

— Проводим Гену, ладно? Ему пора. Потом поговорим.

Виолетта молча согласилась.

Поговорить не вышло. Проводив сына, Селиванов вдруг ушел в кабинет, махнув жене рукой:

— Сейчас!

Там налил почти полный фужер коньяку — все, что оставалось в бутылке, — залпом выпил, сел в кресло и мгновенно уснул.

Виолетта, не дождавшись, тихонько заглянула в кабинет, принесла плед, накрыла супруга и ушла в спальню. Предмет несостоявшегося разговора ей был понятен.

17.

Завтракали, притворяясь, будто все как обычно. Петр Павлович делал вид, что ничего не помнит, и жаловался на головную боль. Виолетта сочувственно разводила в стакане шипучку из уксуса и соды, поила мужа. Так и разъехались по офисам, едва прикоснувшись губами к щекам друг друга.

В кабинете Петр Павлович, не запирая двери, достал бутылку коньяку, налил полную рюмку, выпил. Через минуту стало легче. На селекторе замигал огонек, секретарь спрашивала:

— Петр Павлович, вы свободны? К вам Галина Сергеевна. Говорит, по срочному делу, поэтому не стала предварительно звонить, сразу сюда.

Галина вошла стремительно, поздоровалась и, не садясь, так же стремительно проговорила:

— Петр Павлович, дело у меня к вам почти интимное.

Он посмотрел с удивлением — и вдруг понял все.

— О как! Ваш муж встречается с моей женой — так? Раз в месяц. В кафе «Сумерки». Я видел запись. Вы об этом?

Галина медленно села.

— Коньяку? — участливо спросил шеф. — Разговор-то не короткий.

Он нажал кнопку селектора:

— Нам — два крепких кофе.

Когда кофе принесли, он наказал секретарше:

— Никого ко мне. У меня срочное секретное производственное совещание.

Совещались долго. Бутылка коньяка опустела, достали другую. И, что удивительно, не опьянели. Хотя Галина разгорячилась. Она сняла пиджак, в котором имела обыкновение ходить в офисе, осталась в блузке.

— Ну вы понимаете ли? Вот месяц она, ваша жена, — здесь, с вами, и мила, и улыбчива, и послушна — само совершенство. А один день — один только день в месяц, понимаете? — она не с вами, она — с ним, с моим мужем. Нет, не в постели, — предупреждая его возражение, почти закричала Галина, — не в постели! Так еще хуже, Петр Павлович! Хуже еще, понимаете?

Он искренне не понимал.

— Ну как вам... как объяснить-то вам? У нее душа — не с вами, все это время — не с вами. Телом она — здесь, а душой... Любовь у них, одним словом, Петр Павлович. Такая, какую в постель не спрячешь. Ей и постели не надо. Они всеми молекулами своими, всеми атомами друг другу принадлежат. И нам с вами между этих молекул и атомов места нет. — Она повторила жестко: — Нет нам с вами места. Лишние мы.

Помолчали. Выпили еще. Он повертел рюмку. Взглянул на ее открытую блузку. Усмехнулся:

— Интересно, вот если бы мы с вами, Галина Сергеевна, сейчас... согрешили, это считалось бы изменой тем, кто нам уже изменил?

И махнул рукой:

— Ладно, чепуху говорю, конечно. Что вы решили?

18.

Апрельским вечером в кафе — еще сумерки; еще не лето, хотя и сумерки иные — они светлее и радостнее, чем осенние. Скажем, чем ноябрьские.

Богдан вдруг пришел раньше почти на полчаса — так не бывало за два с лишним года никогда. Официант и хозяин поглядели на него с плохо скрываемым удивлением. Поздоровались, спросили, все ли в порядке. Богдан махнул рукой, с которой только что сняли шину, — неуклюже еще махнул:

— В порядке, в общем. Так, по работе неприятности.

И попросил коньяку на аперитив.

— Мохито тоже, но попозже, хорошо?

Тянул коньяк. Почему-то звучало в памяти:

Прощай, колокольчик. Перрон покачнется —
и кончится все, и уже не начнется.

Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета.

И — многая лета.

Он усмехнулся: Фета почитать так и не удосужился. Наверное, хороший поэт.

Допил коньяк. Принесли мохито.

«Значит, сейчас придет».

Но и она пришла не в свое время — опоздала на целых десять минут. Он встал, встретил, помог раздеться.

— Не замерзла? — Он старался улыбнуться.

— Нет, что ты! Апрель... Я на минутку.

Виолетта ушла в дамскую комнату. Официант вопросительно поднял руку. Богдан кивнул: как всегда.

Однако, вернувшись в зал, Виолетта жестом подозвала официанта, спросила:

— А что у вас из крепкого, помимо коньяка и водки? Дайте настойки какой-нибудь тогда. И после, как всегда, мартини.

Официант удивился несказанно, хотя не подал виду. Настойка была брусничной, собственной, местной, выделки. Виолетта выпила ее почти залпом. Все это время Богдан наблюдал за ней с возрастающей тревогой. И понимал прекрасно, откуда эта тревога. Спросил все-таки:

— Не так что-то?

Виолетта тянула уже мартини, они уже заказали горячее. Она вздохнула:

— Ты сам знаешь, думаю. Кажется, мы теперь свободны, Богдан?

Он улыбнулся.

— Значит, все, как я думал. Да, жена подала на развод, я не возражал. Стало быть, и твой муж решил так же? Не спрашиваю, впрочем.

Он взял ее руки, крепко сжал.

— Ты понимаешь, Виолетта, что теперь мы можем быть вместе? Можем не просто встречаться вот здесь, в этом кафе? Можем, ни от кого не таясь, быть вместе где угодно. И жить в одной квартире: хочешь — в моей, а нет — в твоей? Жена мне квартиру оставляет, сама берет в ипотеку. Да взяла уже, Петр Павлович выдал ей кредит от фирмы, беспроцентный.

Виолетта засмеялась, как всхлипнула. Ответила на его рукопожатие.

— Так ведь и мне Петр Павлович квартиру оставляет. Вот как... Можем жить где хотим.

Богдан широко улыбнулся, свободно, открыто, позвал официанта:

— А дайте нам, пожалуй, шампанского! Мы тут свободу празднуем.

Они говорили — много, бестолково, ни о чем и — о будущем. Как жить станут. Как будут путешествовать. Как наконец перестанут прятаться от людей, скрывать свои чувства, как будут эти чувства показывать.

Горячее почти остыло — они не заметили. Шампанское выпустило пузыри — они не почувствовали вкуса. Так было хорошо и свободно!

Наконец часы показали почти полночь.

— Ого! Столько мы с тобой здесь никогда не сживали, — сказал Богдан, поддерживая Виолетту под руку.

Оба были изрядно хмельны. Официант по его просьбе вызвал такси, водители этой фирмы уже знали, куда везти пассажирку.

— Ты точно не хочешь доехать? Дойдешь ли сам-то? Напились же мы с тобой! — Виолетта говорила слегка заикаясь и сама смеялась над своим заиканием.

Богдан отмахнулся:

— Нет, я пока пешком. Переварить же надо.

Он поцеловал Виолетту — на этот раз крепко, в губы.

— До встречи! Надеюсь, скорой. Как только разводы кончатся, со-
званиваемся и... дальше... ну, в общем... чего там! Люблю тебя!

Поцеловал еще раз и пошел, маша рукой уходящему такси.

Виолетта сидела на заднем сиденье. Ей было плохо. Нет, ее не тошнило, хотя выпили они много. Ей было плохо иначе. Она хотела заплакать — и не получилось. Тронула рукой водителя:

— Вы курящий?

Он пожал плечами:

— Да, но... у меня в салоне не курят.

— Тогда дайте мне сигарету и остановите, пожалуйста. Подождите, пока покурю.

Богдан шел по улице. Слезы застилали лицо. «Счастье! — думал он. — Наконец-то — счастье!»

19.

Больше они не встречались.

Эпилог

Сумерки в этом крошечном кафе наступали сразу, без прелюдии и увертюры. Эти сумерки были осенними, ранними. За столиком сидел молодой человек лет двадцати с небольшим,пил кофе. Допил, подумал — и заказал мохито.

— Только постарайтесь, чтобы вода была настоящая содовая, не какая-нибудь минералка. Я определю.

Официант чуть помедлил, улыбнулся неизвестно чему.

— Я постараюсь.

Молодой человек был здесь впервые, это угадывалось по тому любопытству, с каким он оглядывал зал. Невольно морщась, рассматривал старые светильники, полуподвальные окна, неновую обивку стульев. Хозяин

Ростислав внимательно наблюдал за его реакцией, улыбался про себя. Наконец не выдержал, подошел.

— Помните ведь меня, Геннадий? Вы у нас сигнализацию ставили, потом снимали. А в зале, вижу, впервые. Не нравится?

Геннадий из уважения встал, хотя ему этого совсем не хотелось. Пожал хозяину руку.

— Помню, конечно. Нет, в зале не бывал. Не думал, что у вас так... допотопно.

— А представляете, сколько мебели я бы накупил, какие светильники зажег бы, если бы согласился на предложение — продать записи встреч и провожаний вашей матушки и ее друга? Было такое предложение.

— «Светильники зажег бы», — медленно процедил Геннадий.

— Ну так ведь не зажег, — улыбнулся без веселья Ростислав. — Не Иуда. И бизнесмен, видимо, не очень успешный. Отдыхайте. Зовите, если что. Хотя официанты у меня хорошие.

Геннадий сел, задумался. Попросил меню.

И в это время вошла девушка.

Боже, как она была хороша!

Он отодвинул меню, встал:

— Разрешите поухаживать?

— С удовольствием!

Она улыбнулась — и Геннадий пропал.

— Не откажетесь составить компанию? Здесь больше никого, даже поговорить не с кем.

Она простила ему неуклюжесть фразы.

— С удовольствием! — повторила. — Закажите мне, пожалуйста, сухой мартини с джином, а я пока... — Она удалилась в дамскую комнату.

Душа Геннадия пела. Мир стал волшебен и прекрасен.

Девушку звали Юлия.

